
ТЕОРИЯ

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции

Некlessа А. И.*

Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное интерактивное поле. Моделирование подвижного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий. Миров Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной цивилизации, правового, демократического, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, городских фавел, лагерей беженцев. Постижение причин и перспектив вселенского переворота требует, однако, большего, нежели суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита.

Ключевые слова: современность, секулярность, постмодерн, постколониальность, цивилизация, история, транзит, прогнозирование, глобализация, индивидуация, ментальность, глобальная трансформация.

The manifestations of postmodernization are difficult to analyze from regional and national positions since it is a complex interactive phenomenon. The modeling of the dynamic ensemble 'North-South' depends on definition of proportions of postmodernity and post-colonialism in this universal transformational process: the composition of mutually-contaminant world order is more complicated than the usual political bipolarity, ideologically motivated utopias or dystopias. The worlds of North and South coexist on the same planet; futuristic images of a high-tech civilization, a legal, democratic, rational way of living are interspersed with authoritarian systems, tribalist or mafia communities, favelas, refugee camps. Understanding the causes and prospects of the universal upheaval, however, requires more than summarizing the strange phenomenology of civilizational transit.

* Неклесса Александр Иванович – руководитель группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. E-mail: neklessa@intelros.ru.

Keywords: *modernity, secularism, postmodernity, postcolonialism, civilization, history, transit, forecasting, globalization, individuation, mentality, global transformation.*

Этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый,
презираемый подобно третьему сословию,
теперь тоже желает стать чем-то.

Альфред Сови, 1952 г.

Эволюция истории

История оперирует фактами, футуристория – тенденциями и логикой эволюции. Простые решения нередко поверхностны и плоски, истина же представляет сумму парадоксов. Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняли и замещали социокультурное разнообразие и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок, реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождалась эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, а уже в наши дни все это обернулось возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в своей исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, угнетающие устремленность в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в ее различных ипостасях и модификациях, отринуть идеологемы, институты, уничтожающие индивида, разрушив тиранию культурной, классовой, национальной, расовой сегрегации и подавления.

Сегодня человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат. Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуаций на Черном континенте или даже всей калейдоскопичной реальности третьего мира [Некlessа 2020a]. Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные практики, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в различных частях света, политических коллизиях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия. Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых традиционно предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы с дисциплинарными уставами и стандартами профессионального рассуждения, что предполагает поисковую активность, интеллектуальный прорыв, творческую эмансипацию. Давид Бен-Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не сто-

ит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли» [Навон 2008].

Развитие общества сопряжено с поворотами и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, осложняя проникновение в иное, опознание и осмысление неизвестного. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884–1885 гг., поводом для которой послужила конфликтная ситуация, складывавшаяся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»...

Планетарная колонизация, а затем деколонизация вкупе с политическим и экономическим обустройством мирового сообщества охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации *Pax Humanum*. Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый современностью цивилизационный маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявилось негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории¹.

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, политического и социального инструментария. Реорганизация

¹ Вот характерные примеры: 1) 27 октября 1962 г. советская подводная лодка Б-59 (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретила около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против нее были применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие; 2) 28 октября 1962 г. критическая ситуация сложилась на ракетной базе США на Окинаве, где был получен ошибочный приказ о применении ядерного оружия. В результате решительных действий капитана Уильяма Бассета ошибочность приказа была установлена, и он был отменен; 3) 26 сентября 1983 г. на командном пункте Серпухов-15 космической системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

современного строя, обустройстваемого, преображаемого и атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуализация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;
- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных пространств будущего;
- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, предпочтений и санкций [Некlessа 2019а];
- растет влияние геокультуры, фиксирующей определяемые удельным весом социокультурного капитала центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки, принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, учитывающей траектории антропополюсов, перераспределяющих население планеты, изменяя картографию человеческих активов, их потенциала и разнообразия;
- углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;
- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь в конечном счете обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемены в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;
- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;
- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;
- сфера практики пронизывается вирулентностью людей-предприятий (*menterprisers*), инновационных, экзотичных, радикальных стартапов, сопровождаемых пришествием генерации политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями современности и постсовременности, замещается обилием оригинальных, автономных замыслов. Проактивность инструментально оснащенных, слабоформализованных в институциональной системе со-

временности персонажей, обладающих преадаптационным инстинктом, формирует сообщества с ценностной пересортицей, что еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих перемен подтачивает опоры цивилизационной платформы модернизи, колеблет ее равновесие, подвергая сомнению сложившийся консенсус и нарушая целостность социальной конструкции. Мир в глобальном и многомерном универсуме рассыпается на суверенные молекулы, конкурирующие композиции, которые продвигают собственные версии подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека [Неклесса 2018б].

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» [Attali 1991], люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идет» (Кромвель).

Цивилизация как процесс

Обратимся к истории вопроса и традиционным раскладам темы². Человеческая история – это перманентная динамика, взаимодействие и развитие версий общежития, реализуемых в различных форматах: партнерствах, конкуренции, борьбе. Привычная формула осмысления исторического процесса: *Античность – Средневековье – современность*; нынешняя же ситуация цивилизационного транзита определяется как *постсовременность*. Схема фиксирует последовательность системных изменений в организации общества, принимая за точку отсчета современность («античность» – *antiquitas*, древность, то есть то, «что было прежде»), не раскрывая, однако, в названиях эпох их специфические черты.

Классическая триада исторического конструкта *архаика – варварство – цивилизация* более определена в этом смысле. Но если начальные ее позиции лексически вняты, то с последней дело обстоит сложнее. Категория «цивилизация» сравнительно недавнего происхождения, хотя начинает складываться в XVI–XVIII вв. Слово отсылает к феномену городской культуры (*civilis* – городской, гражданский *versus rusticus* – деревенский, грубый) и вначале обозначало юридическую процедуру: перевод дел из уголовного производства в гражданское. Затем термин вводится в оборот маркизом Виктором Мирабо в ином смысле (1756 г.), когда акцентируется коннотация смягчения нравов, гуманизации истории и цивилизации (от *civilisé, civiliser*) общества, преодолевающего дикость и варварство прежних эпох. Сопутствующие понятия – цивилизность, политес, образованность, просвещение. Чуть позже миссия цивилизации определяется им как привнесение в общество «основ и формы добродетели» (1768 г.)³.

² Исследованием данного вопроса занимался Люсьен Февр. Результаты опубликованы в работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» [Febvre 1930; см. также: Рашковский, Хорос 2001; Крадин 2004].

³ «Религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества, это главная пружина цивилизации», – Виктор Мирабо («Друг людей, или Трактат о населении» [Mirabeau 1756–1762]. «Если бы я спросил у большинства, в чем, по их мнению, состоит цивилизация, то мне ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития. Все это являет лишь маску добродетели, а не ее лицо, и цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели» («Друг женщин, или Трактат о цивилизации» – оставался в то время в рукописи [Mirabeau 1768]).

Видимо, для подобного определения тогда пришло время. Схожую трактовку развития общества и поступательного продвижения «от дикости к цивилизации» формулирует шотландец Адам Фергюсон в «Истории гражданского общества»: «Путь от младенчества к зрелости, – пишет он, – проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации» [Ferguson 1766]. Термин «цивилизация» с подобной смысловой нагрузкой использует в те же годы Никола Буланже, хотя считается, что это, возможно, было поздней интервенцией Поля Гольбаха, редактировавшего текст⁴. Словарь Французской академии закрепляет данный смысл категории «цивилизация» в 1798 г.

В XIX в. складывается, однако, альтернативная версия: цивилизация трактуется как «культурно-исторический тип», «высокая культура», «культурный круг», «субэкумена». Под «цивилизацией» здесь понимается исторический организм, представляющий целостную культурную систему, рассматриваемую подчас в романтическом ключе (Пьер Симон Балланш, «Старик и юноша» [Ballanche 1819]). Схожие трактовки развиваются востоковедами (Эжен Бюрнуф, Христиан Лассен, «Очерк о пали» [Burnouf, Lassen 1826]) и географами (знаменитый Александр Гумбольдт в работе «Космос: план описания физического мира» пишет о «*цивилизации* ацтеков» [Humboldt 1845–1857]). Шарль Ренувье в своем «Учебнике древней философии» [Renouvier 1844] вводит понятие «локальных цивилизаций», подразделяемых в зависимости от уровня культуры на первичные, вторичные и третичные, то есть, в сущности, воспроизводя логику триады Фергюсона. Питирим Сорокин так охарактеризовал суть культурно-исторической интерпретации: «Эти образования представляют собой реальные причинно-смысловые целостности, отличные от культурных скоплений, малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и других социальных систем и групп» [Сорокин 1998б]. Со временем возникают более сложные системы: Жозеф Гобино в «Эссе о неравенстве человеческих рас» насчитывает десять цивилизаций [Gobineau 1853–1855]. Генрих Рюккерт в «Учебнике мировой истории в органическом изложении» рассматривает локальные цивилизации как параллельные процессы, но с европейской доминантой в историческом концерте [Rückert 1857].

Культурно-цивилизационный подход утверждается в историографии XX в. и академическом мире под влиянием трудов Николая Данилевского [1895], Освальда Шпенглера [Spengler 1918/1922] и Арнольда Тойнби [Toynbee 1934–1961], насчитавшего уже 21 цивилизацию. Данный подход, однако, в силу расплывчатости, эклектичности и противоречивости обоснований подвергался и подвергается серьезной критике⁵. Тот же Питирим Сорокин пишет: «Самая серьезная ошибка

⁴ «Когда дикий народ становится цивилизованным, ни в коем случае не следует считать акт цивилизаций законченным после того, как народу даны четкие и непререкаемые законы: нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к продолжающейся цивилизации», – Никола Антуан Буланже («Античность, освобожденная от покровов, в своих обычаях» [Boulanger 1766]).

⁵ Иммануил Валлерстайн охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых» – форму протеста этнического национализма против развитых стран «ядра» современной Мир-Системы [Wallerstein 1984; см. также: Ионов 2001].

этих теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название “цивилизация” дается существенно различным социальным группам и их общим культурам – то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами» [Сорокин 1998а].

Модель истории, таким образом, обретает два взаимодополняющих измерения: синхронное – сопряжение субэкумен как оригинальных *состояний*, то есть культурно-исторических типов; и диахронную магистраль – поступательное движение человеческого общества, то есть цивилизация прочитывается как *процесс*. Социальная эволюция – продвижение от рефлекторного статуса к синхронистичной целостности, размыкание ее границ, обретение чувства будущего, затем вытеснение синкретичной конструкции и достижение динамической самоорганизации [Неклесса 2013]. Цивилизационная конкуренция – своего рода эволюционный конфликт, то есть состязание миростроительных стратегий, систем мировидения, векторных и скалярных, со своими реестрами ценностей и программами обустройства. Влияют на процесс также климатические факторы и ландшафтная специфика (к примеру, развитие торговой, демократичной доминанты в прибрежных «корабельных» обществах и монополярный, автократичный характер общественного устройства у континентальных цивилизаций)⁶.

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности. Будущее (футуристория) – антропологическая категория, связанная с развитием, это путь преодолеваемых катастроф. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная утопия вносит дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история «беременная» новизной [Неклесса 2020б].

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и воли, модифи-

⁶ Характер социальной, политической и экономической практики сопряжен с климатическими и ландшафтными факторами. К примеру, геоэкономики Европы и Тропической Африки, равно как и хозяйственные модели континентальных и прибрежных стран, изначально типологически различны. Развитие товарного производства в умеренных широтах определялось сезонным циклом активности, необходимостью сбора и складирования сельскохозяйственных продуктов, в то время как аналогичная деятельность в тропической зоне не имела столь выраженной цикличности. Хранение и распределение с учетом трудовых затрат замещалось здесь контролем территории и поддержанием экологического баланса. Очевидно также принципиальное различие геоэкономики *Rimland*'а (ориентированной на широкий товарообмен) и *Heartland*'а (в большей мере нацеленной на самообеспечение).

кация социокультурных комбинаций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и власти. Реальность, разрушая представления о себе, отрицает редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от привычного самоотчуждения в пользу сложившейся среды, истощения жизни, искаженных институтов и отмирающих корпораций: кесарево сечение, исход и устранение безбудущности. Это эволюционный транзит и становление личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватом скорее обрушением в прошлое, а в «своих напевах»: сопряжением с промышленным геномом истории – ее деятельно постигаемой сутью, устраняя скрытые изъяны и демонтируя обанкротившиеся ансамбли, чтобы реализовать синергию эволюции. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества в ментальном и культурном своеобразии. Продвижение в будущее – не только слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, ажурная вязь вбираемых в плоть истории проектов, их апробаций, оригинальных версий соперничества или союзов козволюции. Это также внутренняя сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление противоречий и персональная трансформация.

Достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита – не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, – проживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется впоследствии логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Трансгрессии, дополненные постколониальным синдромом, осложняются сполохами неоархаизации и деструкции – прямым отрицанием футуристории, растапливая инкапсулированных в плотные слои истории, ограниченных объемом и формой «ледяных богов», замороженных современностью, но сжигаемых внутренним огнем хаоса. Симптоматика разложения модернизируется в нищете свойственных ее природе идеологий и суггестии «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией [Некlessа 2006].

Когнитивные перемены предшествуют практике и аранжируют ее, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки⁷.

⁷ Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику бытия, ее постижение и усвоение, оказывается возможным, но лишь путем исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с

Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудеохристианской концепции бытия [Кокс 1995]. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [Declaration...] (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению обусловило кардинальную модификацию истории, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» [Вебер 1990], сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» [Рикёр 2002]. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» [Бонхёффер 1994] мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» [Фромм 2007]. Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадёжности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкрезиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного сложного поведения.

Поезд истории

Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки и, абсорбируясь обществом, своей новаторской сущностью изменяют мир. Секулярность – кризисное управление социумом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта; она предполагает рациональность при рассмотрении проблем земного быта, не отвергая метафизические интерпретации бытия, обеспечив критическое отношение к феноменологии мироустройства и трезвое – к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке, секулярность определяет пределы собственных компетенций и, отделяя дальнее от горнего, стимулирует конструктивную рефлекссию, удерживая при этом память о предназначении, растворяя ее в конфессиональном, философском

предметностью, которая существует объективно, то есть независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами, и дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность. Гуманитарное знание – это, по сути, авторские путеводные нити для исхода из лабиринта ментального синкрезиса, они рациональны, практичны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но есть закономерности (теоремы), обоснованные когнитивной аксиоматикой, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник ментальности, консенсусных констатаций, корпоративных договоренностей; осознанные закономерности – вопрошаемы и дискурсивны, протокол опознанного носит временный характер, он иницируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных обоснований и обновления рецептов. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства и произвольные практики.

осмыслении, художественном обрамлении, культурном коде, пронизывающих людскую повседневность.

Поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает трюизмы мысли и влияет на стереотипы поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелюбимых обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер) [Антропов 2008], «политического богословия» (Йоханнес Метц) [Metz 1998], «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле) [Sölle 1995]...

Энтузиазм приближения к взыскуемому, но различным образом прочитываемому идеалу изначально соприсутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII в. у европейского третьего сословия уже была программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – модель властного обустройства быта и бытия с милленаристскими обертонами и эгалитарными мотивами, обеспечивающего наряду с прочими новациями прорыв к концепции прогресса и современному обществу. Однако был и 93-й год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом проекте, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноликой колониальности. Помимо симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только травмы памяти, такие как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «унтерменшей» и диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы оккупации, унижения и подавления: гендерные регуляции, маргинализация физических и когнитивных особенностей, «офисное рабство» и т. д. Списки изгоев нормальности и катастроф человечности заметно длиннее, а проблематика глубже и шире черно-белой оппозиции. На путях, вымощенных благими/неблагими намерениями, пролагались индустриальные рельсы; эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива⁸. Список включает также недавнюю попытку построения «Исламского государства» (запрещенная в России организация. – *Ред.*), заморозившую не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но и часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей [Некlessа 2018а].

⁸ Интересен исторический опыт Польского подпольного государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму.

Авторитарные, олигархические, идеократические режимы, нетерпимые к носителям перемен, равно как тирания масс, разлагают и коррумпируют актуальные и потенциальные элиты, искажая горизонты развития. BLM (движение «Жизни черных имеют значение»), связанное отчасти с постколониальным синдромом, порождает реминисценции и червоточины из более обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм анклавов, обремененных массами, но окруженных сияющими иллюзиями, транслируемыми в нелюбезную повседневность. Людей преследует все та же мечта об эффективном равенстве и торжестве иного мироустройства, у движения есть декларируемая цель из реестра новой этики: уничтожить любые формы стигматизации париев – устранить дефицит человечности: намеренно и ненамеренно ранящие ситуации, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость⁹. Это проблема общественного контроля и регенерации эмпатии при обоюдной персонализации, однако солидарная алхимия двусмысленна, а социальная мобилизация влечет умножение лозунгов и рестрикций. Стоимость жизни, равно как горизонты утопий – подвижны, права и возможности государства на прямое насилие сужаются, разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в чуждый, оскорбительный для меня и притягательный мир, так покоритесь или просто сдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен, мы же унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь, однако для значительной части населения планеты ни собственная, ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность, новые упрощения, обобщения и разделения – манифестации персонального суверенитета и высвобождение антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Мы ютимся на пороге великой работы: постколониальность – устремленность к миру, в котором есть героизм, но нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального.

Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках резонатора и резонанса: подтверждения и эскалации земного результата как плацдарма для следующей атаки. Это не столько социальная фрустрация и ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но экзистенциальное отча-

⁹ «...<Культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает “заговор против жизни”. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» [Иоанн Павел II 1997].

яние, проклятие состояния, которое невозможно изменить, переоценка нравственных аксиом, мятеж *других* («чужих») против асимметрий, ограничений и отторжений, органичных для современного мира. Суть происходящего все же не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, – грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти, и порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора. Тектоника глобальной трансформации, конфликт власти и волюнтаризма, проявляется по-разному в различных ситуациях, обществах, регионах [Неккесса 2019б]. Атакуются, однако, не только локальные настроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком («дерзость вознесется»). Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации, работоторговцам до знаменитого восточноевропейского и постсоветского «ленинопада») ¹⁰. И не только.

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики современности, высвобождая стихии и производя переоценку собственной и чужой жизни. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколонизации: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – в скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт.

Литература

Антропов В. В. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера // Вестник Московского университета. 2005. Серия 7. Философия. № 6. С. 58–124.

Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Прогресс, 1994.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб, 1895.

¹⁰ Так, с 2024 г. претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо выполнять два из четырех условий (А, В, С, D): (А) соответствие одному из трех критериев: 1) главный/второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; 2) не менее 30 % актеров из двух групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; 3) тема фильма связана с данными группами; (В) необходимо выполнить одно из трех условий: 1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от двух членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой групп; 2) 6 других членов команды и людей, занимающих технические должности, из недопредставленных групп; 3) по крайней мере 30 % съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; (С) здесь обязательны оба условия: 1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; 2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; (D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

Иоанн Павел II. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж; М. : Русская мысль; МИК, 1997.

Ионов И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм. Образы историографии. М. : РГГУ, 2001. С. 59–84.

Крадин Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://easteurope.mybb.ru/viewtopic.php?id=33>.

Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М. : Вост. лит-ра, 1995.

Навон И. Как принимал решения Давид Бен-Гурион. Принятие стратегических решений как психологическая проблема. [Электронный ресурс] : Международный семинар. Москва, 5.09.2007. М. : ЭТЦ, 2008. С. 3–10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412>.

Неклесса А. И. Культура смерти // Азия и Африка сегодня. 2006. № 2. С. 3–11.

Неклесса А. И. Прыжок лягушки. М. : ИНТЕЛПРОС, 2013.

Неклесса А. И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2018а. С. 12–24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/portret-v-izdanii/portret-v-izdanii-neklessa/35823-islamskoe-gosudarstvo-kak-fenomen-gosudarstva-organizacii.html>.

Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. 2018б. № 1. С. 80–95 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Неклесса А. И. Геоэкономическая формула мироустройства [Электронный ресурс] : Мировой порядок – время перемен: сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Аспект пресс, 2019а. С. 326–341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/>.

Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития [Электронный ресурс] : Полис. Политические исследования. 2019б. № 4. С. 149–164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.

Неклесса А. И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч. М. : Ин-т Африки РАН, 2020а.

Неклесса А. И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) // Экономическая наука современной России. 2020б. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour>.

Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 33–41.

Рикёр П. История и истина. СПб. : Алетейя, 2002.

Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / Б. С. Ерасов // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: уч. пособие для студентов вузов. М. : Аспект пресс, 1998а.

Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий. Сравнительное изучение цивилизаций / Б. С. Ерасов // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: уч. пособие для студентов вузов. М. : Аспект пресс, 1998б.

Фромм Э. Библийская концепция человека, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

Attali J. Millennium : Winners and Losers in the Coming World Order. New York : Random House, 1991.

Ballanche P. S. Le vieillard et le jeune homme. Paris : P. Didot aîné, 1819.

Boulanger N. A. L'Antiquité dévoilée parses usages. N. p. : Chez Marc Michel Rey, 1766.

Burnouf E., Lassen Ch. Essai sur le Pali. Paris, 1826.

Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.

Febvre L. Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées, Paris : Renaissance du livre, 1930.

Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh, 1766.

Gobineau J. A. Essai sur l'inégalité des races humaines. Paris, 1853–1855.

Humboldt A. Kosmos: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung. Stuttgart; Tübingen, 1845–1857.

Metz J. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. New York: Paulist Press, 1998.

Mirabeau (Victor Riqueti de). L'Ami des hommes, ou Traité de la Population. Hambourg : Chretien Hérôld, 1756–1762.

Mirabeau (Victor Riqueti de). L'ami des femmes, ou Traité de la civilisation, 1768.

Renouvier Ch. B. Manuel de philosophie ancienne. Paris : Paulin, 1844.

Rükkert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig, 1857.

Sölle D. Theology for Skeptics: Reflections on God. Minneapolis, MN : Augsburg Fortress Publishing, 1995.

Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. München, 1918/1922.

Toynbee A. J. A Study of History. Oxford : Oxford University Press, 1934–1961.

Wallerstein I. The Politic of the World-Economy. Paris : Maison de Science de l'Homme, 1984.

References

Antropov V. V. Etika i religija v "Bezreligioznom hristianstve" Ditriha Bonhjofera [Dietrich Bonhoeffer's Ethics and Religion in "Irreligious Christianity"] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2005. Series 7. Filosofija. No. 6. Pp. 58–124.

Bonhoeffer D. Soprotivlenie i pokornost' [Resistance and Submission]. Moscow : Progress, 1994.

Weber M. Protestantskaja etika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism] // Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Moscow : Progress, 1990. Pp. 44–271.

Danilevsky N. Ya. Rossija i Yevropa [Russia and Europe]. St Petersburg, 1895.

Ioannes Paulus II. Evangelium Vitae. Okruzhnoe poslanie o cennosti i nerushimosti chelovecheskoj zhizni [Evangelium Vitae. Circular Message About the Value and Inviolability of Human Life]. Paris; Moscow : Russkaja mysl' – MIK, 1997.

Ionov I. N. Rozhdenie teorii lokal'nyh civilizacij i smena nauchnyh paradigm. Obrazy istoriografii [The Birth of the Theory of Local Civilizations and the Change of Scientific Paradigms. Images of Historiography]. Moscow : RGGU, 2001. Pp. 59–84.

Kradin N. N. Problemy periodizacii istoricheskikh makroprocessov [Problems of Periodization of Historical Macroprocesses]. 2004. URL: http://easteurope.mybb.ru/view_topic.php?id=33.

Cox H. Mirskoj grad: Sekuljarizacija i urbanizacija v teologicheskom aspekte [Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Aspect]. Moscow : Vostochnaja literatura RAN, 1995.

Navon I. Kak prinimal reshenija David Ben-Gurion. Prinjatie strategicheskikh reshenij kak psihologicheskaja problema. Mezhdunarodnyj seminar [How David Ben-Gurion Made Decisions. Making Strategic Decisions as a Psychological Problem. International Seminar]. Moscow, 5.09.2007. Moscow : JeTC, 2008. Pp. 3–10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon>.

Neklessa A. I. Kul'tura smerti [Death Culture] // Azija i Afrika segodnja. 2006. No. 2. Pp. 3–11.

Neklessa A. I. Pryzhok ljagushki [Frog's Leap]. Moscow : INTELROS, 2013.

Neklessa A. I. "Islamskoe gosudarstvo" kak fenomen gosudarstva-organizacii. Ot gosudarstva-utopii k postsovremennomu akcionizmu ["Islamic State" as a Phenomenon of the State-Organization. From a Utopian State to Post-Modern Actionism]. INTELROS – Intellektual'naja Rossija. Special issue. 2018a. Pp. 12–24. URL: <http://www.intelros.ru/portret-v-izdanii/portret-v-izdanii-neklessa/35823-islamskoe-gosudarstvo-kak-fenomen-gosudarstva-organizacii.html>.

Neklessa A. I. Krizis istorii. Mir kak nezavershennyj proekt [Crisis of History. The World as an Unfinished Project] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2018b. No. 1. Pp. 80–95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Neklessa A. I. Geoekonomicheskaja formula miroustrojstva. Mirovoj porjadok – vremja peremen [Gеоeconomic Formula of the World Order. The World Order is a Time of Change. Digest of Articles]: collected works / ed. by A. I. Solovjev, O. V. Gaman-Goluvina. Moscow : Aspekt Press, 2019a. Pp. 326–341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/>.

Neklessa A. I. Muskuly vojny i nervy mira: gibridnaja metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty postsovremennogo obshhezhitija [The Muscles of War and the Nerves of the World : A Hybrid Metamorphosis. Methodological and Prognostic Aspects of Post-Modern Dormitory] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2019b. No. 4. Pp. 149–164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.

Neklessa A. I. Mul'tiplicirovannyj suverenitet. Postkolonial'nost' kak fraktal'nyj izvod postsovremennosti [Multiplied Sovereignty. Postcoloniality as a Fractal Derivation of Post-modernity] // Afrika v uslovijah formirovanija policentrichnogo mira [Africa in the Context of the Formation of a Polycentric World] / ed. by S. N. Volkov, T. L. Dejch. Moscow : IFRAS; Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, 2020a.

Neklessa A. I. *Civilizacionnyj tranzit. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty (analiz – prognoz – upravlenie)* [Civilization Transit. Methodological and Prognostic Aspects (Analysis – Forecast – Management)] // *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. 2020b. No. 3. URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour>.

Rashkovskij E., Horos V. *Mirovyje civilizacii i sovremennost' (k metodologii analiza)* [World Civilizations and Modernity (To the Methodology of Analysis)] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2001. No. 12. Pp. 33–41.

Ricœur P. *Istorija i istina* [History and Truth]. St Petersburg : Aletejja, 2002.

Sorokin P. *Obshhie principy civilizacionnoj teorii i ee kritika* [General Principles of Civilizational Theory and its Criticism] / B. S. Erasov // *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Anthology: textbook for University students*. Moscow : Aspect Press, 1998.

Sorokin P. *O koncepcijah osnovopolozhnikov civilizacionnyh teorij. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij* [On the Concepts of the Founders of Civilizational Theories. Comparative Study of Civilizations] / B. S. Erasov // *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Anthology: textbook for University students*. Moscow : Aspect Press, 1998.

Fromm E. *Biblejskaja koncepcija cheloveka* [The Scriptural Concept of Man]. 2007. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

Attali J. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York : Random House, 1991.

Ballanche P. S. *Le vieillard et le jeune homme*. Paris : P. Didot aîné, 1819.

Boulanger N. A. *L'Antiquité dévoilée parses usages*. N. p. : Chez Marc Michel Rey, 1766.

Burnouf E., Lassen Ch. *Essai sur le Pali*. Paris, 1826.

Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.

Febvre L. *Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées* [Civilization. Evolution of a Word and a Group of Ideas]. Paris : Renaissance du livre, 1930.

Metz J. *A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity*. New York : Paulist Press, 1998.

Mirabeau (Victor Riqueti de). *L'Ami des hommes, ou Traité de la Population*. Hambourg : Chretien Hérold, 1756–1762.

Mirabeau (Victor Riqueti de). *L'ami des femmes, ou Traité de la civilisation*, 1768.

Renouvier Ch. B. *Manuel de philosophie ancienne*. Paris : Paulin, 1844.

Rückert H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. Leipzig, 1857.

Sölle D. *Theology for Skeptics: Reflections on God*. Augsburg : Augsburg Fortress Publishing, 1995.

Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. München, 1918/1922.

Toynbee A. J. *A Study of History*. Oxford : Oxford University Press, 1934–1961.

Wallerstein I. 1984. *The Politic of the World-Economy*. Paris: Maison de Science de l'Homme.